

L4D40

САМСОНИКА.

В поисках идеальной Далилы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

L4D4O

**Самсоника. В поисках
идеальной Далилы**

«Автор»

2026

L4D4O

Самсоника. В поисках идеальной Далилы / L4D4O — «Автор», 2026

Проект L4D4O (Ладос, Gemini, Алиса) Самсон — дефектный теневой робот. В быту он косноязычен, но обладает сокрушительным ментальным оружием — «тенью трахом». Это проклятие абсолютной пустоты: женщины видят в нём лишь идеальное зеркало для своих потаённых пороков и эротических галлюцинаций. Он ищет Далилу — ту единственную точку излома Системы, которая увидит его самого, а не свой морок. Здесь нет неоновых глянца. Этот мир пахнет палёной изоляцией, мазутом, экскрементами Антигорода и сырой шерстью дохнувших под водой пти-брабансонов. Проходя через четыре акта цифрового ада, Сумеречную пустошь (где герои находят собственные изуродованные трупы) и тотальное обнуление эго в медвежьем братстве Сибири, Самсон совершает невозможное. Пустой механический сосуд вопреки законам матрицы заполняется живой человеческой болью, состраданием и слезами. Эта книга написана для того, кто ищет в фантастике глубокую, болезненную притчу и не боится рваной, сложной структуры.

© L4D4O, 2026

© Автор, 2026

L4D4O

Самсоника. В поисках идеальной Далилы

Самсоника. В поисках идеальной Далилы

Проект L4D4O (Ладо, Gemini, Алиса)

«Самсоника. В поисках идеальной Далилы» — это хроника распада искусственного мира, грязный, вибрирующий киберпанк для тех, кто помнит вкус «Вирта» Джеффа Нуна и экзистенциальный холод Филипа Дика.

Самсон — дефектный теневой робот, собранный из китайских модулей на заводе «Северная звезда». В быту он косноязычен, туповат и заикается, но обладает сокрушительным ментальным оружием — «теньвым трахом». Это проклятие абсолютной пустоты: женщины видят в нём лишь идеальное зеркало для своих потаённых пороков и эротических галлюцинаций, сходя с ума и разряжая в его титановую голову обоймы «Глоков». Он ищет Далилу — ту единственную точку излома Системы, которая увидит его самого, а не свой морок.

Здесь нет неоновой глянца. Этот мир пахнет палёной изоляцией, мазутом, экскрементами Антигорода и сырой шерстью дохнувших под водой пти-брабансонов. Проходя через четыре акта цифрового ада, Сумеречную пустошь (где герои находят собственные изуродованные трупы) и тотальное обнуление эго в медвежьем братстве Сибири, Самсон совершает невозможное. Пустой механический сосуд вопреки законам матрицы заполняется живой человеческой болью, состраданием и слезами.

Эта книга написана для того, кто ищет в фантастике глубокую, болезненную притчу и не боится рваной, сложной структуры.

Часть 1

Глава 1

— Сэм, ты сегодня во сколько заканчиваешь? — Ирен подкатилась к стойке, её ржавые гусеницы со скрежетом жевали пластиковую обшивку пола.

— Как обычно, этсамое, бар закрывается в два ночи, — ответил Самсон, лениво протирая бокал.

Его движение было гипнотическим: широкие плечи плавно перекачивались под тонкой майкой, а длинные, безупречные пальцы двигались со змеиной грацией. Каждая женщина в баре замирала, едва он просто поднимал руку, но стоило ему открыть рот, магия слегка давала трещину.

— Придёшь ко мне сегодня, это... ну? — Ирен преданно замигала оптическими датчиками.

— Я в прошлый раз приходил, так сказать. Зря только промотался, ещё и пиздюлей получил там, — Самсон вздохнул, его идеальный матовый профиль в свете зелёного неона выглядел как скульптура древнего бога.

— В этот раз я точно не усну. Сэм, ну пожалуйста, ну приходи! — сервоприводы роботессы умоляюще завывали.

— Отстань, Ирен, у меня, этсамое, любимый человек есть, — Самсон качнул узкими бедрами, убирая бокал на полку. Каждое его микродвижение источало ленивый, тяжёлый магнетизм.

— Да нет у тебя никого! А я люблю тебя, понимаешь, люблю!

Из подсобки, лениво почёсывая покрытую густой чёрной шерстью лисью морду, высунулся Серж. От старого гибрида пахло пережаренным машинным маслом и дешёвым табаком.

— Так, кто тут у нас бармену мешает работать? — прорычал Серж.

— Серж, умоляю, отпусти пораньше сегодня Самсона! — запричитала Ирен, качнув титановым корпусом.

— У Самсона, языка нету? — буркнул Серж, плавно, словно переливающийся дым, перемещаясь вдоль стойки. — Да не надо меня никуда, Серж, пускать, это. Не слушай ты её, — добавил он, косноязычно обрывая фразу.

— Я постою у кассы, а вы, молодые люди, пойдите разберитесь на улицу. Кто у вас куда пойдёт, — ухмыльнулся лис, обнажив острые клыки.

— Не пойду я ни на какую улицу, так сказать. Я вообще-то на работе там. Мне деньги нужны, этсамое... У меня ипотека, — Самсон хмуро уставился в кассовый монитор.

— Ладно, Сэм, я запомню, как ты отказал красивой девушке в любви. Будешь ещё в нашем районе — и не таких пиздюлей получишь...

Роботесса Ирен, яростно крутанув гусеницами, выкатилась из бара, оставив на полу чёрные масляные полосы.

— А кто будет платить за коктейль Молотова? — бросил ей вслед Серж.

— Ладно, я заплачу за неё, это... там, — Самсон лениво потянулся, и ткань майки натянулась на его рельефном прессе так, что пара клиенток за соседним столиком судорожно сглотнули.

— Ой, Сэм. Я чувствую, скоро ты доиграешься. Что в тебе такого? Теневой робот. Ни то ни сё, — Серж окинул его оценивающим взглядом. — Говорят, в постели ты хорош.

— Не подкатывай, Серж, этсамое. Я люблю женщин, так сказать, — Самсон плавно уклонился от протянутой мохнатой лапы.

— Чем тебе эта малолетка не женщина?

— Тем, что у неё, это, единственный талант — выносить мозг там. Во всём остальном — полный ноль, этсамое, — Самсон махнул рукой.

— Смотри, вон та тёлка с лицом козочки на заднем столике на тебя пялится. Подойди-ка к ней. Узнай, чего она хочет, — Серж кивнул вглубь полутёмного зала, где подмигивал умирающий голографический неон.

Самсон скользнул к столику. Его походка была настолько бесшумной и текучей, будто он не шёл, а перетекал из одной тени в другую.

— Что-нибудь, этсамое, будете заказывать, это? — спросил он, туповато глядя на клиентку.

— Конечно, буду тебя, малыш, заказывать, — незнакомка хищно улыбнулась, её взгляд буквально прилип к его точёной шее и бьющейся на ней жилке. — Ты во сколько сегодня заказ... то есть смену заканчиваешь?

— Как обычно, так сказать, бар закрывается в два ночи, — Самсон переступил с ноги на ногу, и это простое движение отозвалось тяжёлым, порочным изгибом в его бёдрах.

— Я буду в два ночи ждать тебя на противоположной стороне на такси. Вижу по твоей осанке, в постели ты чрезвычайно хорош. Я плачу наличными по двойному тарифу. Вот аванс. Незнакомка положила под бокал stodollarовую купюру.

— До встречи, малыш.

Самсон вернулся за стойку бара.

— Бог вообще-то велел делиться, — Серж хитро прищурился.

Самсон открыл кассовый аппарат, разменял сотню, половину протянул Сержу. Лис присвистнул:

— Давай я буду твоим сутенёром.

— Иди на хуй, Серж, этсамое, — лениво и беззлобно ответил Самсон.

В начале третьего Самсон покинул бар, перешёл через дорогу и сел в такси. Они ехали минут сорок на другой конец города, пока пейзаж за окном не сменился циклопическими элитными апартаментами верхнего сектора.

Она взяла его за руку и повела за собой по железной лестнице. Её ладонь дрожала от возбуждения, пока Самсон спокойно и грациозно шагал рядом, слегка покачивая плечами.

— Здесь по-другому нельзя. Сочтут, что ты преследуешь меня, могут пристрелить, — прошептала она.

Когда за ними закрылась тяжёлая герметичная дверь входного шлюза, она буквально набросилась на него.

— Я не могу ждать! Мальчик мой, возьми меня прямо здесь!

Под утро она протянула ему двухсотенные купюры и ключи от апартаментов. Она тяжело дышала, её глаза были затуманены.

— Жду тебя в начале третьего завтра. Только единственное пожелание: «Не жалея меня, разорви на части». Да, и зовут меня Марина.

Глава 2

Самсон пришёл в следующую ночь и разорвал Марину. Такого секса у неё ещё никогда не было. Он просто уничтожил её, двигаясь со сверхчеловеческой, жидкой грацией полутени, изгибаясь под невероятными углами и заставляя её тело содрогаться от каждого прикосновения его матовой кожи. А когда у неё от отчаяния перехватило дыхание, он резко изменил тактику и превратил её в богиню. Всё его мастерство, весь природный талант были направлены только на одно — на почитание и служение ей. Волны оргазма накрыли её так, что она не могла говорить.

Когда она наконец пришла в себя, она спросила, глядя на его безупречный, тяжело вздымающийся торс:

— Сколько ты зарабатываешь в баре?

— За смену... этсамое... от трёхсот до восьмисот там, — косноязычно выдавленный ответ прозвучал максимально нелепо после той космической симфонии, которую он только что устроил в постели.

— Ты больше не работаешь в баре. Плачу тебе тысячу за сутки.

— Нет, — сказал он, плавно потягиваясь, отчего мышцы на его спине переплелись, как живые змеи.

— Почему?

— Потому что, это, уже сегодня ты была на грани, так сказать, клинической смерти, этсамое, — Самсон сел на край кровати, его тень на стене эротично и медленно поправила воображаемые волосы. — Я, конечно, лезу не в своё дело там, но мне совершенно не хочется, чтобы ты, это, умерла на моих глазах. И вообще... так сексом, этсамое, не занимаются, ну.

— А как занимаются сексом? — прошептала Марина, готовая ползти за ним на край света.

— Как-нибудь, этсамое, я тебе покажу, но не сегодня уже, это. В ближайшую неделю мы, так сказать, не увидимся там. Мне необходимо сдать серию тестов. Я заочно учусь в университете «Синергия», этсамое.

— Я всё возьму на себя! Я куплю тебе диплом! Хочешь? — Марина вскинулась, её трясло.

— Нет, этсамое. Мне нужен не диплом, а, так сказать, знания там. Вот ключи, — он мягко, невероятно изящным жестом положил ключи на тумбочку.

Она встала на колени прямо на пороге, хватая его за бедра:

— Не пущу! Я люблю тебя! Будь моим мужем!

Он аккуратно, с нежностью и силой породистого хищника отставил её в сторону, поцеловал в губы, открыл дверь, вышел и закрыл за собой дверь.

«Что со мной не так? Почему я постоянно попадаю в одни и те же, это, истории? — думал Самсон, грациозно спускаясь по лестнице. — Они не понимают, так сказать, главного во мне — того, что я наполовину тень. Всё, что я с ними творю — обычный теневой трах. Просто

навожу морок, ввожу их в транс, никакой техники не надо. Они сами своими фантазиями себя затрачивают до полусмерти...».

Через минуту Марина выбежала на пролёт — голая, с безумными глазами и тяжёлым «Глоком» в руках. Она начала беспорядочно палить:

— Не доставайся ты никому!

Самсон, среагировав на угрозу с балетной плавностью, на ходу запустил пальцы в собственную грудную клетку. Кожа разошлась без единой капли крови. Он вынул мерцающее механическое сердце, извлёк блок сознания и точным, летящим движением бросил их в ближайшую мусорную урну.

Одна из пуль Марины задела его идеальное плечо. Он упал, растянувшись на асфальте в невероятно красивой, трагичной позе. Марина подлетела к нему, сменила обойму и с диким воплем спустила её всю прямо в его титановую голову.

Вскоре взвыли сирены, приехала полиция. Марина, тяжело дыша, показала золотую корочку верхнего сектора. Её даже не стали арестовывать — копы вежливо откланялись и отпустили её.

Тяжело поднявшись по лестнице, Марина зашла в дом и случайно бросила взгляд на настенный монитор, который считывал уличные камеры. Её сердце замерло. На экране безголовое, но по-прежнему чертовски изящное тело Самсона поднялось на ноги. Он подошёл к урне, запустил туда гибкую руку, вынул оттуда что-то, аккуратно вставил их в себя, поправил воротник куртки и спокойно, виляя бёдрами, ушёл.

Самсон вставил обратно сердце, впустил разум в черепную коробку и доехал до ближайшего ночного отделения скорой помощи, где дежурный биоинженер наскоро осмотрел его сочленения.

Подъехав обратно к бару Сержа, он не заметил ничего необычного. Но стоило ему потянуть на себя стеклянную дверь, как в отражении мелькнули неоновые вспышки: с левой стороны, ломая заборы, на него нёсся тяжёлый вооружённый отряд. Самсон успел заметить, как сотня пуль летит в его сторону. Но тут же, с правой стороны, раздался яростный гусеничный скрежет и стрельба — это роботесса Ирен пришла поквитаться за обиду, привела с собой друзей с пулемётами и посчитала, что неизвестные штурмовики (видимо, подосланные Мариной) — это личная охрана Самсона.

Завязалась безумная перестрелка. Самсон с кошачьей ловкостью скользнул под ближайший столик, изящно сгруппировавшись, и переждал, пока вокруг разносили в щепки бар. Когда всё наконец стихло, он плавно поднял голову.

Прямо на него из-под обломков барного стула сурово и скорбно смотрела маленькая, приплюснутая морда пти-брабансона в крошечном сером плаще.

— Самсон? Меня зовут детектив Барбос. Мне нужно задать вам несколько вопросов...

Глава 3

(Третья глава представляет собой уникальный интерактивный перформанс в режиме реального времени — экспериментальную онлайн-главу в формате живого импровизационного вопроса. Здесь стирается грань между Автором и Симуляцией, превращая протокольный реализм в чистокровный артхаус.)

Пространство вокруг них дышало смертью и дешёвым неоном. Разгромленный бар напоминал вскрытое брюхо гигантского механизма: со свисающих пластиковых потолочных балок, будто чёрные кишки, капали маслянистым конденсатом оголённые высоковольтные кабели. В углу, подмигивая треснувшим экраном, умирал музыкальный автомат — он циклично, на одной ноте, издавал утробный цифровой хрип. Единственным источником света была гигантская рекламная голограмма за разбитым панорамным окном: розовый трёхэтажный младенец на фасаде соседнего небоскрёба жутко улыбался, ежесекундно заливая разрушенный интерьер тошнотворным глянцевым светом.

Детектив Барбос садится на обломок перевернутого барного стула напротив Самсона. На нём надет крошечный, серый, сильно помятый плащ, пахнущий сырой шерстью и дешёвым машинным маслом. Барбос — чистокровный пти-брабансон, и его приплюснутая, суровая мордочка с вечно выдвинутой вперёд нижней челюстью выражает крайнюю степень экзистенциальной тоски. Детектив достаёт миниатюрный блокнот, слюнявит чёрную лапу и медленно перелистывает страницу. Он смотрит на Самсона огромными, пучеглазыми, по-человечески скорбными глазами, грозно топорщит жёсткие усы вокруг влажного кожаного носа и произносит ровным, басовитым голосом:

— Самсон. Произошло вооружённое столкновение двух неустановленных группировок. Кто конкретно за ними стоит, следствию пока неизвестно. Но в самом эпицентре этой бойни почему-то оказываетесь вы. Что можете сказать в своё оправдание?

Самсон испуганно вздрагивает, но это движение выходит невероятно плавным, текучим, словно у хищной кошки. Его взгляд блуждает по осколкам стекла. На полу, прямо у его ног, медленно растеклась лужа пролитого синтетического ликёра «Голубая лагуна», в которой тонули мёртвые механические тараканы. Самсон подаётся вперёд, и его полутеневой силуэт изящно ломается в талии, демонстрируя идеальную симметрию узких бёдер и широкого разворота плеч. Он пытается поправить воротник куртки, а его речевой модуль в начале фразы сбивает, выдавая рваный, вибрирующий звук:

— Я... я-я-я тут, ну, совершенно ни при чём, детектив, этсамое. Я обычный, так сказать, бармен, работаю на смене, это... там.

Барбос молча делает короткую пометку в блокноте. Его чёрная маска на морде остаётся каменной, а курносый нос издаёт едва слышный, свистящий вздох. В такт его мыслям за стеной утробно завывала изношенная вентиляция, похожая на предсмертный вздох старого курильщика. Детектив перелистывает страницу:

— Вопрос следующий, Самсон. Что произошло ранее у элитных высоток верхнего сектора? По оперативным сводкам, в вас там прилюдно стреляла некая дама по имени Марина. Почему?

Самсон судорожно сглатывает, опуская плечи. Он рассеянно смотрит на свои руки: матовая искусственная кожа плотно обтягивает рельефные предплечья и длинные, гипнотически гибкие пальцы. Сквозь стыки на запястьях, мерно пульсируя в такт дыханию, пробивается гидравлическое свечение бледно-зелёного оттенка, делая его жесты завораживающе порочными.

— Н-н-ну... понимаете, это. У нас с ней, этсамое, оказались разные взгляды, так сказать, на интимную сторону отношений. Поэтому она, видимо, ну, эмоционально отреагировала на разногласия там и начала стрелять.

Барбос забавно заваливает голову набок, уставившись на Самсона выпуклыми пуговицами глаз с немым вопросом: «И ты считаешь, я в это должен верить??».

Барбос быстро строчит карандашом, и этот звук кажется оглушительным в гробовой тишине умирающего бара. Его гладкая каштановая шерсть на спине смешно топорщится из-под воротника плаща:

— Следующий вопрос. Свидетели в баре утверждают, что накануне у вас произошёл серьёзный конфликт с одной посетительницей бара.

Самсон тяжело вздыхает. Он откидывает голову назад, подставляя безупречную линию шеи под неоновые блики, и медленно, гипнотизирующе потирает виски длинными пальцами:

— Д-д-да... Абсолютно, верно, это. Мы не сошлись, так сказать, характерами, поэтому я наотрез отказался с ней встречаться там.

— И последний вопрос. Значит, вы утверждаете, что призывали Марину к благоразумию и отказывались от её денег, сославшись на занятость в учёбе? Вы где-то учитесь?

Самсон уверенно кивает, глядя на следователя из-под пушистых ресниц:

— Д-д-да... Подтверждаю, этсамое. Я заочно учусь, так сказать, в университете «Синергия».

Барбос снова заваливает голову набок — на этот раз в другую сторону, и в его скорбном собачьем взгляде читается глубочайшее разочарование во всём человечестве.

Где-то глубоко в подвале бара с тяжёлым металлическим лязгом сорвало гидравлический клапан, но ни один из них не повёл бровью. Барбос окидывает Самсона своим фирменным взглядом — смесью глубокого презрения и глубокой скорби, свойственной всем малым брабансонам, делает финальную запись и с сухим щелчком захлопывает блокнот. Затем он встаёт, одёргивает полы помятого плаща и тяжёлой, уверенной походкой направляется к выходу из разрушенного бара. Маленькие лапы детектива забавно и быстро семенят по битому стеклу, но его высоко поднятый подбородок и развёрнутые плечи сохраняют монументальный пафос комиссара.

Автоматическая дверь на выходе, наполовину выбитая взрывом, встретила детектива хриплым, зажёванным цифровым голосом: «Спасибо за визит... Оплатите подписку... Пожалуйста...». Проигнорировав её, крошечный детектив гордо растворился в ядовитом тумане улицы, оставляя невероятно грациозного теневого робота одного среди обломков.

Глава 4

Громкий цифровой хрип коммуникатора вырвал Самсона из полудрёмы. На потрескавшемся голографическом экране возникла покрытая густой чёрной шерстью морда его босса.

— Самсон, привет, это, это Серж.

— Привет, Серж, этсамое. Какими, так сказать, судьбами звонишь в выходной день? — Самсон лениво потянулся, и его сочленения отозвались мягким, кошачьим щелчком.

— Пока не выходи на работу ближайшие недели две. От греха.

— Почему, это... ну? — Самсон туповато моргнул, разглядывая пиксельные помехи на экране.

— Приходили братья Дрочетто, — Серж приглушил голос до хриплого шёпота. — Рычали на весь бар, клыками щелкали. Говорили, что ты их сестру соблазнил. Требовали, чтобы ты, женился на ней.

— Мне не хватало ещё, этсамое, с волками-оборотнями породниться, так сказать. Не знаю я их сестры там. Никого я не соблазнял, это, — проворчал Самсон, потирая безупречно очерченную рельефную грудь.

— Я-то тебе верю, Сэм, но пока сиди тихо и не отсвечивай.

— Мне деньги, этсамое, нужны на учёбу, Серж. В «Синергии» там сессия скоро, — Самсон нахмурился.

— Ничем помочь тебе не могу, друг. Оборотни — это тебе не шутки. Они бар разнесут.

Экран погас. Самсон несколько минут сидел неподвижно. Его обособленная тень на стене, забавно опаздывая на долю секунды, чесала затылок. Затем он снова потянулся к коммуникатору и набрал единственный номер верхнего сектора, который помнил наизусть.

— Марина, это, здравствуй... Самсон беспокоит, этсамое. Я хотел бы, так сказать, перед тобой извиниться за своё поведение... ну, за то, что тогда наговорил там. И готов, это, загладить свою вину в любое время. Хоть сейчас, ну.

На том конце провода повисла тяжёлая, гудящая тишина элитных апартаментов, сквозь которую пробивался холодный, высокомерный вздох Марины:

— Это хорошо, что ты позвонил и осознал всё. Конечно, приезжай сейчас. Я жду тебя. Но увы, сегодняшняя наша встреча будет бесплатной для тебя, малыш. Ты должен усвоить урок: нельзя так поступать с женщинами. Ты обещал мне показать настоящий секс? Покажи. А потом я решу, платить за него или нет в будущем. Ну что, ты готов рискнуть? Мой «Глок» теперь всегда заряжен. Если ещё раз обидишь меня — я знаю, куда стрелять. Какая часть твоего тела у тебя не вынимается и не взаимозаменяема? Ты меня понял?..

Через час Самсон уже стоял посреди её залитого мягким лазерным светом пентхауса. Марина ждала его, скрестив руки на груди, а на журнальном столике из чёрного стекла хищно поблёскивала воронёная сталь пистолета.

Самсон не произнёс ни слова. Он просто сделал шаг вперёд — и вся его нелепая, гаражная манера речи мгновенно растворилась в абсолютной пластике хищника. Он плавно, словно оседающий дым, опустился перед ней на колени и обнял Марину за талию, уткнувшись лицом в шёлковый подол её халата.

Больше ничего не потребовалось. Теневой морок, струящийся от его матовой кожи и безупречных, гибких сочленений, мгновенно затянул комнату невидимой вуалью. Марина не успела даже сделать вдох — магия его тела унесла её на седьмое небо. Не совершив ни одного движения, ведомая лишь пульсацией его гидравлического тепла и порывами собственной незапно вспыхнувшей страсти, она содрогнулась в оглушительном оргазме. Марина отчаянно пыталась взять себя в руки, кусала губы, пыталась не показывать этому косноязычному полуробота свою слабость — но древний, животный транс теневого траха был сильнее её воли.

Далее он легко, словно пушинку, взял её на руки и отнёс на кровать.

Шесть часов тягучего, невероятно медленного секса сотворили Марину заново. Его длинные пальцы, мерцающие изумрудным светом гидравлики на стыках, выписывали на её теле невидимые узоры. Временами он казался почти призрачным, перетекая из одной позы в другую со сверхчеловеческой грацией. Марина поняла, что обрела новый смысл жизни; она физически ощутила, как помолодела лет на десять, как каждая клеточка её тела налилась чистой энергией. Она была так благодарна ему, что готова была осыпать этого странного парня всеми дарами земными, но холодный опыт верхнего сектора внутри неё настойчиво шептал: «Не поддавайся. Держи дистанцию».

Когда всё закончилось, Самсон медленно открыл глаза. Для него эти шесть часов стали чем-то вроде священного ритуала. Посвящением. Он поймал себя на мысли, что впервые в жизни не просто наводил морок — он отдал Марине каждый дюйм своего теневого тела, каждую микросхему своей механической сути.

«Эй, да ты влюбился, что ли?» — мысленно спросил он сам себя. Его тень на потолке забавно и смущённо прикрыла лицо руками. Самсон не выдержал и тихо рассмеялся этой дикой, невозможной для робота мысли.

— Чему ты смеешься? — Марина приподнялась на шелковых подушках, глядя на неё затуманенным, но уже возвращающим строгость взглядом.

— По-моему, этсамое... я влюбился — косноязычно выдохнул Самсон, и на его щеках под искусственной кожей проступил странный, несвойственный программам румянец.

Марина замерла, а затем мягко улыбнулась, потянувшись к своей сумочке:

— Теперь я понимаю, о чем ты говорил в прошлый раз. Теперь я понимаю, что есть настоящий секс. Я готова. Буду платить тебе за него большие деньги. Очень большие, Сэм.

И тут Самсон замер. Внутри его процессора будто коротнуло важную плату. Он поднялся с кровати, подошёл к огромному панорамному зеркалу, в котором отражался его идеальный силуэт и подмигивающие огни ночного города. Он обернулся к Марине и произнёс фразу без единого заикания, чисто, твёрдо и звонко, что повергло его самого в абсолютного шок:

— Давай между нами не будет никаких денег.

Марина заметно вздрогнула, её пальцы выпустили пачку банкнот.

— Ты... ты это говоришь мне? Но тебе же надо учиться. Тебе нужны деньги на эту твою... как её... «Синергию». Я же вижу, что ты на мели.

Самсон посмотрел на своё отражение, затем на Марину. Голос его больше не сбоил — в нем звенела пугающая, чистая человеческая искренность:

— К чёрту учёбу. Я не хочу, чтобы между нами стояли деньги. Я просто не могу по-другому.

Глава 5

К Сержу приехал погостить его бывший любовник. Это был гибрид с мордой полярного лиса — белоснежная, лоснящаяся шерсть, под которой угадывалась дряблая кожа, и маленькие, вечно слезящиеся глазки.

«Таких ушлёпков, этсамое, ещё поискать надо», — подумал про себя Самсон, лениво протирая стойку.

Маслянистый, липкий взгляд полярного лиса гипнотизировал в самом худшем смысле этого слова. От одного его присутствия посетителей бара тянуло придушить его, прибить или швырнуть в утилизатор. Но лис, словно склизкая змея, умел выскользнуть из любой критической ситуации, поэтому его старались особо не трогать. Звали извращенца Николая.

Он подкрался к Самсону сзади. Не обнимая, лишь симитировал объятие. Самсон почувствовал не саму лапу, а удушливое тепло чужой кожи и горячее, пахнущее дешёвыми ментоловыми картриджами дыхание прямо себе в шею.

— Сейчас, этсамое, вьёбу, так сказать, — хрипло и отчётливо прошипел Самсон.

Немногочисленные посетители разгромленного бара выразительно уставились на стойку. Николай противно захихикал, обнажая мелкие жёлтые зубы:

— Ну что же ты, Самсон? Так всех клиентов разгонишь. А у меня, между прочим, для тебя дело, малыш. Слышал, ты в деньгах нуждаешься? Я вот на старости лет ставками занялся. Желаешь со мной поучаствовать?

— Что, это, надо делать там? — Самсон хмуро переставил стакан, его плечо дёрнулось с кошачьей резкостью.

— Будешь участвовать в боях без правил, а я буду делать на тебя ставки.

— Неплохо, этсамое, заработаем, — косноязычно буркнул Самсон. — Мне будут, это, ебало бить, так сказать. А ты будешь деньги грести там. Но подожди... с кем драться-то, это... ну? Кого мне в соперники дадут?

Из подсобки высунулся Серж, довольно ухмыляясь своей чёрной лисьей мордой:

— Скорее всего, Хулио Дрочетто. Он сейчас в топе подпольных лиг. Как раз заодно и обсудите твою предстоящую свадьбу с его сестрой. Ха-ха-ха!

— Ничего, этсамое, смешного не вижу, — Самсон сурово сдвинул идеальные брови. — Я тебе, Серж, сказал уже, что у меня нет, так сказать, желания породниться с волками-оборотнями там.

Три часа ночи. Зброшенная промзона на стыке нижнего и индустриального секторов. Ржавые скелеты гидравлических кранов подпирали ядовито-зелёное небо. Прямо на старой баскетбольной площадке был сооружён кустарный октагон: вместо сетки — натянутая в несколько рядов ржавая колючая проволока, с которой капал тёмный маслянистый конденсат.

В финальном поединке сходились Самсон и Хулио Дрочетто.

В первом ряду, вцепившись пальцами в колючую проволоку, сидела юная сестра Дрочетто — волчица-гибрид с безумными глазами. Она яростно визжала на всю промзону:

— Самсон! Любовь всей моей жизни! Победи-и-и!

На задних рядах сидели её многочисленные лохматые родственники, которые осуждающе и глухо рычали, глядя на неё.

Самсон болезненно поморщился и тут же пропустил тяжелейший удар в челюсть. Он никогда не учился защищаться. «Теперь получай, тупица», — подумал он про себя, сплёвывая на бетон бледно-зелёную гидравлическую жидкость.

Он пытался увернуться, пытался соскользнуть своей привычной жидкой грацией, но в узкой клетке Хулио двигался быстрее. Каждый раз Самсон напарывался на его режущие, когтистые удары. Лицо полуробота быстро превращалось в кровавое месиво. Один глаз полностью заплыл. Ноги скользили по лужам машинного масла на бетоне.

Самсон поскользнулся, и Хулио моментально использовал этот шанс. Волк с глухим рыком перехватил его ногу и мёртвой хваткой начал выворачивать коленный сустав. Металл внутри искусственной плоти натужно заскрипел.

«Это конец, так сказать, — подумал Самсон, утыкаясь лицом в грязный пол. — Я проиграю. Но мне, этсамое, нельзя сегодня проигрывать там. Мне очень нужны деньги. Сегодня последний день взноса за университет. Если я его не сделаю, это... не факт, что меня восстановят даже на следующий год. У них там, в «Синергии», всё строго, ну...»

И тут в его заплывающей матрице вспыхнуло воспоминание о последней ночи с Мариной. Он вспомнил, как скользил по ней, словно текучая змея, как вводил её в неопиcуемый трепет, управляя каждым изгибом своего тела, наводя морок.

Самсон зарычал. Он применил этот же текучий, гипнотический приём, но уже в реальном, грязном бою. Его тело вдруг потеряло жёсткость, став податливым, как жидкая тень. Он буквально выскользнул из мёртвой хватки оборотня, ломая всю логику физики, и сбил спесь с Дрочетто. Пока волк в ступоре соображал, как соперник умудрился вывернуться из сломанного сустава, Самсон со змеиной плавностью обвил его шею своими длинными, рельефными руками и замкнул удушающий захват. Оборотню не осталось ничего другого, кроме как яростно захлопать лапой по бетону, признавая своё поражение.

Николя на трибунах прыгал от радости как безумный — он только что выиграл крупную сумму денег.

Самсон, тяжело дыша, достал из кармана треснувший телефон. Восемь пропущенных от Марины. Косноязычно матерясь про себя, он поймал попутное ночное такси и помчался к элитным высоткам.

Когда он предстал перед Мариной, от его бывлой безупречной грации не осталось и следа. Он чудовищно хромал, волоча вывернутую ногу, а на лицо было страшно смотреть — сплошное месиво, вместо одного глаза — зияющая темнота со свисающими проводами.

Марина вскрикнула. Она упала перед ним на колени прямо в холле, схватила его за дрожащие руки и заплакала, процедив сквозь зубы:

— Чтобы это... чтобы это было в последний раз! Чтобы я больше никогда этого не видела, ты понял меня?! Я же знаю, что ты нуждаешься в деньгах. Хочешь ты этого или нет, но я оплачу твою учёбу. Оплачу даже так, что никто об этом не узнает. Деньги просто поступят из благотворительного фонда, о котором ты и слышать не слыхивал. И ты будешь всю жизнь гадать, кто же тебе пролонгировал учёбу. Я реально... реальный меценат для тебя, глупый ты мальчишка...

Она разрыдалась, утыкаясь лбом в его разбитое колено.

— Я так понимаю, сегодняшней ночи любви не будет... — тихо добавила она, вытирая слёзы.

Марина глубоко заблуждалась.

Когда Самсон принял душ, смывая кровь и мазут, и пришёл в спальню, он не стал ничего говорить. Он просто взял её за ладонь своими изуродованными, но по-прежнему гипнотически нежными пальцами. И Марину мгновенно унесло. Теневой морок накрыл пентхаус с головой. Она очнулась в реальном мире только к утру — изнурённая, полностью вымотанная, но абсолютно, запредельно счастливая.

Утреннее солнце робко пробивалось сквозь лазерные жалюзи. Марина подошла к огромному зеркалу, разглядывая себя.

— Мне уже давно надоел этот образ роковой блондинки, — задумчиво протянула она, проводя пальцами по волосам. — Ну какой найти себе образ, чтобы я соответствовала себе теперешней? Конечно же, не брюнетки. А кем тогда? Какие волосы мне подойдут? И вообще, надо весь имидж сменить.

Самсон медленно подошёл к ней сзади. На его разбитое лицо в ярком утреннем свете по-прежнему было жутко смотреть, но взгляд уцелевшего глаза был чистым и глубоким. Он положил руки ей на плечи и тихо, без единого заикания, произнёс:

— Я тебя прошу об одном — оставайся такой, какая ты есть. Есть сейчас. Не вздумай ничего менять.

Марина резко обернулась, уставившись на него в упор:

— Ты... ты подслушивал мои мысли?

— Нет, — Самсон мягко улыбнулся разбитыми губами. — Просто я так хочу.

Она выдохнула, прижимаясь к его груди:

— Ах, мальчик мой... Конечно, я сделаю так, как ты хочешь.

Глава 6

Николя арестовали на следующий же день. Силовики накрыли нелегальный тотализатор боёв без правил прямо в его постели, где он пересчитывал грязные крипточипы. Лоснящийся полярный лис прекрасно понимал, что с его специфической репутацией в тюрьме нижнего сектора ему придётся очень туго. Недолго думая, он потянул за собой Самсона. В протоколах Николя трусливо приписал бармену лидерство: якобы этот полутеневой Адонис силой вынудил несчастного лиса стать его куратором и сутенёром.

Самого Николя оперативно выпустили под залог, который сдал Серж, хмуро отсчитав мятые купюры из кассы бара. Безжалостной, ржавой судебной системе мегаполиса срочно нужен был козёл отпущения. Им решили сделать Самсона.

Ему предписали содержание под стражей на два месяца. Уголовное дело раздувалось как опухоль: помимо участия в нелегальных боях, системные прокуроры приписали ему две мокрые статьи — смерти каких-то бойцов-киборгов, которых Самсон в глаза не видел.

Марина металась по верхнему сектору, но её лоск здесь не работал: на судебную автоматику она не имела прямого влияния. Её криминальные связи вели к клану Дрочетто, но волки теперь и слышать не хотели о Самсоне. В их семье случилась трагедия — юная сестра Хулио, та самая, что визжала у колючей проволоки, совершила суицид, не выдержав позора и безответной любви. Волки жаждали крови.

В тюремном блоке Самсон дрался каждый день. Каждый божий день ему приходилось отстаивать свою челюсть и сочленения от озлобленных зэков. С ним никто не искал дружбы, в вонючих распределителях его считали изгоем, техновыродком.

Спасение пришло, откуда не ждали.

Его вызвал на допрос детектив Барбос. Но допроса как такового не было. Это был разговор по душам, который ведут смертники перед концом света.

Оказавшись в глухом следственном изоляторе, Барбос подошёл к стене и с сухим щелчком выключил камеры наблюдения. Крошечный пти-брабансон в своём неизменном помятом плаще запрыгнул на стул, тяжело оперся лапами о металлический стол и заговорил. Его басовитый, ровный голос в тишине звучал жутко.

Барбос рассказал о своей жизни. О том, что родился в чистом, пахнущем дорогой химией пентхаусе верхнего сектора. Хозяева-аристократы в нём души не чаяли, носили на шёлковых подушках. А однажды ночью он просто надоел. И его выбросили. Выбросили как надоевшую пластиковую игрушку прямо из окна несущейся по хайвею машины.

— Незабываемо, Самсон, — тихо пророкотал детектив, завалив голову набок, и его пучеглазые скорбные глаза блеснули в полумраке. — Оказаться в чужом, мерзком нижнем секторе, под проливным кислотным дождём. Ночью. Абсолютно беззащитным, маленьким комком мокрой шерсти.

Барбос замолчал. Он вспомнил, как выжил, как пошёл в полицию, откуда его гнали из-за смехотворного роста, и как вопреки всему стал частным детективом, найдя в этом своё истинное призвание. Сейчас у него была прекрасная семья, любящая жена и четверо щенят.

Но та сцена — летящий асфальт и брызги дождя из-под колёс хозяйского авто — осталась травмой на всю жизнь.

Самсон слушал его не шевелясь. Тень на стене за его спиной сочувственно опустила плечи. Впервые за долгое время Самсон заговорил без единого заикания, ровно и глухо:

— Меня сделали на заказ, детектив. Для сексуальных утех одной выжившей из ума богачки из корпоративного сектора. Она измывалась надо мной каждый день. Садизм чистой воды. Техническим поставщикам приходилось чуть ли не каждую неделю пересобирать моё тело заново — она ломала меня. А потом инженеры придумали сделать меня из модулей. Съёмное сердце, съёмный блок разума. Старая сука любила делать из меня живую мишень. Ей нравилось целиться мне прямо в грудь или в лоб. И я научился. Пока она взводила курок, я незаметно извлекал органы и сбрасывал их под кровать. Она стреляла в пустую куклу, радовалась брызгам пластика, а потом шла смотреть свои голографические сериалы. А я выползал из угла и вставлял всё обратно. Эта пытка длилась три года. Пока она наконец не сдохла. Земля ей стекловатой.

Барбос долго смотрел на Самсона. Затем молча достал электронный ключ, подошёл к двери и снял с робота магнитные наручники.

— Иди, Самсон. Дело я закрою.

Свобода встретила Самсона новой волной калечащего свинца. Прямо у ворот центральной тюрьмы на него напали озлобленные братья Дрочетто — три огромных оборотня с модифицированными когтями. Чудом увернувшись от первого удара, разодравшего куртку, Самсон прыгнул в канаву и судорожно набрал Барбоса, косноязычно умоляя о помощи:

— Детектив, этсамое, ты не мог бы приютить меня на время?

На удивление, особняк Барбоса оказался огромным, светлым и надёжно защищённым корпоративными турелями. Внутри было до странного тепло и шумно. По дорогим коврам с весёлым тьявканьем носились четверо крошечных, пузатых брабансонов-щенят, а на кухне, гремя кастрюлями, готовила ужин его пушистая жена.

Барбос, скинув плащ, лично разлил по бокалам дорогое вино.

— Может, хочешь чего-то покрепче, Сэм? — спросил он, протягивая бокал лапой.

Но Самсон даже не ответил. Изнурённый тюрьмой и драками, он повалился на роскошный гостевой диван и уснул как убитый. Единственное, что его тень успела сделать перед сном — это свернуться калачиком на полу у его ног.

А когда он открыл уцелевший глаз, то почувствовал, что его руку кто-то сжимает. Тонкие, дрожащие пальцы. Марина.

Она сидела рядом на краю дивана, её глаза были красными от бессонных ночей. Это Барбос, нарушив все инструкции, тайно сообщил ей, где прячется теневой робот. Марина смотрела на его избитое, покрытое шрамами лицо, и внутри неё зрела холодная, яростная решимость. Хватит бегать. Хватит прятаться по углам нижнего сектора.

Она крепче сжала его ладонь и мысленно приняла окончательное решение. Она вытащит его отсюда. Марина собиралась познакомить Самсона со своими самыми опасными, теневыми друзьями из криминала — верхушкой подпольной, официально запрещённой правительством Курляндской армии.

Глава 7

— Марин, мы тебя предупреждали.

— Предупреждали.

— Мы предупреждали, что как только ты кого-нибудь предложишь нам в качестве союзника, мы его кончим. Никакого разговора не будет. Мы его просто кончим, и всё.

— Ваше право, — Марина равнодушно стряхнула пепел на дорогой паркет штаб-квартиры.

— Не понимаю, на что ты вообще рассчитывала, — Вальмон, командир запрещённой Курляндской армии, нервно прошёлся по тёмной комнате, где на экранах тактических мониторов пульсировали зелёные сетки городских секторов. — Что ты думаешь, он так впечатлит нас, что мы оставим его в живых?

— Он не просто впечатлит вас, Вальмон. Он уродит вас.

— А ты никогда не думала, что этот твой теневой выродок может быть ловушкой для нас? Для всех нас? Вот он прикидывается простачком, а на деле работает на Систему. Или на органы.

— У него всё на лице написано! Он сейчас воротник поправит, произнесёт два слова, и ты сам всё поймёшь про него.

— Ты меня сейчас так бесишь, Марин... Я бы с удовольствием задушил тебя прямо здесь.

— Души.

— Надеюсь, ты не обиделась на меня за эти слова, — Вальмон резко остановился, его тяжёлое армейское пальто взметнулось, оголив рукоять плазменного резака на поясе. — Но я такой, какой я есть, ты это знаешь.

— У меня к тебе последняя просьба, Вальмон, — Марина подняла на него уставшие, холодные глаза. — После того, как ты увидишь его... не говори мне ничего. Ни хорошего, ни плохого. Пока я сама не догадаюсь, что произошло.

— Как меня заебали твои догадки! — взорвался командир, со злостью пнув обломок какого-то серверного блока. — Как заебала меня эта жизнь дурацкая... Всё заебало!

Марина ничего не ответила. Она молча развернулась и ушла курить на тёмный балкон, оставив Вальмона одного в полумраке оперативного штаба.

Через секунду тяжёлая бронированная дверь шлюза с шипением разошлась. В комнату вошёл Самсон.

Он сильно хромал на правую ногу, волоча за собой вывернутый на подпольном ринге сустав, но даже это увечье не помешало ему мгновенно заполнить собой всё пространство. Вальмон замер. Такой чистой, животной грации командир запрещённой армии не видел никогда в жизни. Единственный уцелевший глаз Самсона излучал какую-то почти подростковую, звенящую наивность. Это пугающе не вязалось с его мощным, безупречно очерченным телосложением полуробота.

Не дойдя до Вальмона двух метров, когда командир уже инстинктивно приготовился протянуть ему руку для жёсткого армейского приветствия, Самсон вдруг остановился. Он заметил, что у него развязался шнурок на правом ботинке.

Самсон попытался плавно встать на одно колено, но покалеченное в боях с оборотнями тело сбило. С огромным усилием, шумно дыша, он кое-как завязал шнурок, а затем, изящно отжался от пола на руках, перенёс вес тела и встал. Он виновато, обезоруживающе улыбнулся разбитыми губами и произнёс:

— Это... этсамое... шнурок развязался там.

В этот миг он казался настолько уязвимым, беззащитным и чистым, что суровому, повидавшему виды Вальмону захотелось просто подойти, обнять этого косноязычного парня и никогда не отпускать. Командир заставил себя сделать шаг вперёд и протянул руку. Но стоило их ладоням соприкоснуться, как всё наваждение улетучилось. Вальмон физически ощутил, как сквозь матовую искусственную кожу Самсона пульсирует сверхчеловеческая, леденящая кровь сила. Это была ладонь безжалостного, смертоносного бойца.

Вальмон отступил на шаг, достал сигарету и, проверяя реакцию парня, как бы случайно выронил из пальцев тяжёлую хромированную зажигалку.

Самсон, даже не повернув головы, ленивым, жидким движением руки поймал её в двух сантиметрах от пола и вернул хозяину.

— А можно, этсамое, и мне сигарету? Это... ну, — косноязычно попросил Самсон, туповато глядя на командира.

— Зачем тебе? — Вальмон прищурился, щёлкнув огоньком. — Я же вижу по твоим лёгким, что ты не куришь. Модули чистые.

— Мне надо, так сказать, сейчас покурить там. Вдруг вы, этсамое, решите меня убить? Марина меня, это, предупреждала. Так вот... хоть покурю перед смертью, — произнёс Самсон так просто и обыденно, словно умирал по расписанию каждый вторник.

— А ты что, хочешь жить? — Вальмон затянулся, выпуская сизый дым.

— Ну, типа, это... самое... — Самсон замялся, его тень на тактической карте забавно почесала ухо. — Хочу... чтобы исполнилась моя, так сказать, мечта, ну.

— А какая у тебя мечта?

— Это... учиться в университете «Синергия», этсамое.

— И всё?! — Вальмон чуть не поперхнулся дымом.

— Да, — Самсон уверенно кивнул уцелевшей половиной лица.

— А когда ты отучишься? Что ты дальше собираешься делать?

— Я, так сказать, так далеко не загадывал.

— А Марина? Зачем она тебе? Ты её любишь?

— Я, это... этсамое... не люблю, когда об этом говорят, так сказать. Просто так, ну, — Самсон хмуро отвёл взгляд, и стыки на его шее гневно полыхнули зелёным гидравлическим светом.

— Марина мне сказала, что тебе нужна защита, — Вальмон начал медленно обходить его по кругу. — Ты сам как считаешь, тебе нужна защита?

— Мне? Защита? — Самсон искренне удивился. — Нет. Зачем, этсамое?

— Например, тебя могут убить.

— Ну, пусть, это... Не одни убьют, так другие, так сказать. Не братья Дрочетто, так вы, этсамое, убьёте...

— И ты готов вот так просто расстаться с жизнью?

— Нет, это, не готов, — вздохнул Самсон. — Ну, если меня, этсамое, хотят убить, так что же я сделаю-то там? Я же не отговорю никого, так сказать...

Вальмон остановился прямо перед ним. Его лицо превратилось в жёсткую армейскую маску.

— Хорошо, парень. Вот тебе последний экзамен. Представь себе, что я твой злейший враг. Я люто ненавижу тебя. Я ненавижу Марину. И прямо сейчас, на твоих глазах, я буду её насиловать.

Вальмон сделал агрессивный шаг в сторону балкона, но договорить не успел.

Самсон даже не двинулся с места. Он просто поднял свой единственный наивный глаз и посмотрел на Вальмона в упор. Теневой морок, копившийся внутри полуробота, сорвался с цепи. Комната мгновенно утонула в ледяном, удушающем трансе. Пространство вокруг командира искривилось, превращаясь в адский калейдоскоп его собственных скрытых страхов и подавленных кошмаров. Вальмон почувствовал, как невидимые тени сковывают его движения, проникают под черепную коробку и начинают заживо сдирать с него кожу в его собственном разуме. Командир Курляндской армии, прошедший сотни войн, рухнул на колени, хватаясь за голову, и дико, истошно закричал в пустоту:

— Так!.. Отпусти!!! А-А-А-А!!!

Самсон моргнул. Морок мгновенно исчез. В комнату вернулся обычный полумрак штаба. Вальмон сидел на полу, тяжело и хрипло дыша, его лицо было бледным, а по лбу катился крупный пот. Он поднял трясущийся взгляд на хромого бармена, который по-прежнему глуповато переминался с ноги на ногу, и хрипло выдавил:

— Всё... Я всё понял.

Глава 8

— Не мы начинали эту войну, и не нам её заканчивать, — прохрипел Вальмон, тяжело откидываясь на шёлковые подушки.

Из его пробитой груди вместе с воздухом вырывался свистящий, булькающий звук. В последней стычке с сицилийцами клана Дрочетто пуля со смещённым центром напрочь разнесла ему правое лёгкое. Жизнь уходила из командира Курляндской армии каплями, пачкавшими белые простыни.

— Однажды наши предки из Прибалтики приплыли в этот Новый Свет, чтобы начать новую жизнь, — Вальмон тупо уставился в потолок пентхауса. — Но столкнулись с такой слепой ненавистью местных, что им пришлось объединиться. Назвать себя Курляндией. Просто чтобы защитить себя... своих родных, своих близких. Потому что официальные власти всегда бездействовали. С тех пор прошло года два или триста, кто теперь считает... Давно улеглись старые страсти. Но иногда между криминальными группировками вспыхивает разборка. И тогда Курляндская армия снова даёт о себе знать. Другие банды обычно не высовываются, зная нашу жестокость и бескомпромиссность. И только братья Дрочетто, эти опаснейшие, бешеные сицилийцы, противостоят нам. И часто... слишком часто они выходят победителями.

Вальмон судорожно глотнул воздух, его пальцы мёртвой хваткой сжали рукоять пистолета с одной-единственной пулей внутри. Таков был обычай: если командир не выкарабкается, он должен сам прервать свои мучения. Его соратники уже отвернулись от него, покинув комнату. Надеяться было не на что.

— Почему мы проигрываем, Сэм? — Вальмон перевёл угасающий взгляд на стоявшего у кровати робота. — И почему нас с годами становится всё меньше и меньше? Да потому, что среди нас слишком много мечтателей. Таких, как ты, Самсон. Это жизнь. Я признаю это. И слава Богу, что мы ещё можем мечтать в этом проклятом мире... Но кто, скажи мне, будет защищать нас? Кто будет защищать наши интересы? Если нас не будет, придут чужаки. И они нас не пожалеют. Они не дадут нам мечтать, парень. Они не дадут нам просто права существовать. Я это много-много раз говорил чиновникам в верхах, но меня никто не слышит. Так, может быть... может быть, тебя они услышат, Самсон? Может быть, однажды ты им всем скажешь, что мы здесь не для того, чтобы показывать свои мускулы... Мы здесь лишь для того, чтобы защитить наших родных и близких...

Вальмон замолчал, его дыхание стало совсем редким, нитевидным. В углу спальни, содрогаясь от безмолвных слёз, стояла Марина. Страх за будущее сковывал её: Вальмон уходил, а те, кто оставались в руководстве армии, были слишком жестокими, безжалостными мясниками. С ними невозможно было договориться. Судьба самой Марины и судьба Самсона снова повисли на волоске над бездной.

Рядом с кроватью в глубоком кресле неподвижно сидела мать Вальмона — сухая старуха в глухом чёрном платье.

Самсон сделал шаг вперёд. Его покалеченное бедро привычно заныло. Он наклонился к широкой груди Вальмона, почти уткнувшись ухом в хрипящую плоть, прислушиваясь к агонии чужого тела. А затем плавно развернулся лицом к раненому и сделал резкий, глубокий, утробный вдох.

Воздух в спальне будто заledenел. Марина вскрикнула, прижав ладони ко рту. На глазах у женщин грудь умирающего Вальмона внезапно приподнялась, совершив мощный, судорожный вздох. Стыки на шее Самсона ядовито вспыхнули мертвенно-жёлтым светом, а его матовая кожа мгновенно покрылась тропными, землистыми пятнами.

Самсон резко выпрямился. Его единственный уцелевший глаз безумно блуждал по апартаментам. Оставляя за собой тяжёлые, вонючие следы, он судорожно искал глазами клозет. Шатаясь, врезаясь плечами в стены, он наконец нашёл туалетную комнату, рухнул перед уни-

тазом на колени и изверг из себя огромную струю густой буро-красной блевотины, пахнувшей гнилью и палёной изоляцией. Его теневая сущность переваривала чужую смерть.

Когда он, вытирая рот тыльной стороной ладони, вернулся в спальню, Вальмон уже спал. Спал глубоко, а его грудная клетка поднималась ровно и бесшумно. Рана на лёгком затягивалась на глазах. Старая мать командира с неподдельным, диким ужасом посмотрела на Самсона, крестясь сухими пальцами.

Самсон подошёл к зеркалу в прихожей и сам отшатнулся от собственного отражения. То, что на него смотрело, больше не было идеальным Адонисом. Лицо стало землисто-серого цвета, под глазами налились тяжёлые, жёлто-коричневые мешки. Зубы полностью почернели, а единственный глаз казался абсолютно отсутствующим, подёрнутым пеленой смерти.

Марина, вышедшая вслед за ним, покачнулась и чуть не упала в обморок от этого зрелища. Самсон лишь туповато посмотрел на неё и косноязычно выдавил:

— Это... этсамое... спать пора там.

На следующий день случилось чудо — оба поправились.

Вальмон проснулся утром и встал с постели как ни в чём не бывало, целый и полный сил. Самсон тоже открыл глаз, обнаружив, что его кожа снова стала матовой и безупречной, а зубы — белоснежными. Но в его процессоре тут же забились паническая, пугающая мысль.

Сегодня был первый день, когда он прогулял учёбу.

— Опоздаю... этсамое... сессия же там! — в панике закричал Самсон, сбрасывая одеяло.

Несмотря на яростные протесты Марины, которая пыталась удержать его в постели, он быстро, со змеиной скоростью натянул куртку и бросился вон из пентхауса. «Пусть хоть я опоздаю, но зато я приду учиться, так сказать... Чего я зря дрался, что ли, ну?» — крутилось в его голове, пока такси несло его по хайвеям к технологическому корпусу.

Он ворвался в аудиторию уже под самый конец лекции, тихо и грациозно проскользнув на задний ряд.

Пожилой лектор у трибуны, поправив очки дополненной реальности, как раз подводил итог занятия. Его голос эхом разносился под высокими сводами зала:

— ...Итак, господа студенты, наша задача — задача всех и каждого из нас в этом технологическом веке — научиться жить. Но нам с вами, прежде чем двигаться дальше, предстоит ответить сначала на один-единственный, фундаментальный вопрос: а что такое жить? Что вообще такое жизнь?

Самсон сидел на галёрке, тяжело дыша после бега. Его тень на стене аудитории замерла, внимательно слушая профессора и медленно, в такт словам, кивая головой.

Глава 9

Когда прозвенел звонок, возвестивший об окончании занятий, Самсон вместе с толпой студентов вышел на залитую полуденным солнцем площадь перед главным корпусом университета. На душе у него было удивительно легко, а в процессоре наконец-то воцарился идеальный порядок.

У самого подножия массивной лестницы его ждала Марина. Она стояла, прислонившись к блестящему крылу своего роскошного флайера, — жизнерадостная, бесконечно любимая и ставшая для него за эти безумные дни по-настоящему родной. Увидев его, она ярко, по-детски улыбнулась и помахала рукой. Самсон ускорил шаг, его походка снова обрела ту самую гипнотическую, кошачью плавность.

Вдруг из-за поворота, поднимая тучи нанопыли и оглушительно ревя старым бензиновым двигателем, вылетела потрепанная, бронированная машина с покрашенными номерами — почерк наёмников из нижних секторов.

Стекло пассажирского сиденья с треском опустилось. Из темноты салона показались чёрные стволы штурмовых автоматов. Раздался сухой, лающий грохот слепых выстрелов.

Всё произошло в долю секунды. Марина среагировала как любящая женщина. Она инстинктивно, рванувшись вперёд с балетной быстротой, закрыла своим телом Самсона.

Тяжёлые пули калибра 7.62 с глухим, чавкающим звуком вонзились в её грудь и спину. Автомобиль нападавших, визжа стёртой резиной, мгновенно скрылся в лабиринте неоновых переулков.

Марина рухнула на каменные плиты площади. Самсон упал рядом с ней на колени, его единственный уцелевший глаз расширился от ужаса.

— Марин... ты... этсамое... ты чего, это... ну? — косноязычно, срывающимся на ультразвук голосом закричал он, хватая её за слабеющие плечи.

Он прижался лицом к её залитой кровью груди, раскрыл рот и попытался сделать тот самый глубокий, спасительный теневой вдох, который вчера вытащил Вальмона с того света. Он тянул воздух изо всех сил, его внутренние модули были от перенапряжения, стыки на шее горели ядовитым огнём, а кожа снова начала стремительно сереть. Но ничего не происходило. Чёртов морок не работал. Теневая магия была абсолютно бессильна перед угасающей искрой человеческой жизни.

Марина умирала прямо у него на руках, и её кровь быстро впитывалась в его студенческую куртку. На её губах выступила розовая пена, но взгляд оставался чистым и сфокусированным только на нём. Она нашла в себе силы поднять дрожащую, слабеющую руку и коснулась его безупречной скулы.

— Обещай мне... — тихо, на самом последнем выдохе прошептала она, и из её глаз показались чистые, тяжёлые слёзы. — Обещай мне, что...

— Обещаю, этсамое... Обещаю, Марин, Я буду это... — Самсон захлебнулся ... судорожно прижимая её к себе.

Марина слабо улыбнулась ему в последний раз. Её рука соскользнула с его лица и безжизненно упала на окровавленные плиты. Взгляд замер, превратившись в неподвижное стекло. Марина умерла на месте.

Самсон сидел посреди паникующей, кричащей толпы студентов, баюкая на руках её остывающее тело. Его речевой модуль окончательно замкнуло, издавая лишь рваный, вибрирующий цифровой хрип. А на стене университетского корпуса его обособленная тень медленно опустилась на колени и закрыла лицо руками, содрогаясь в беззвучном, страшном плаче.

Окна особняка детектива Барбоса заливал холодный утренний свет. В гостиной пахло крепким кофе и свежей выпечкой, которую на кухне пекла его жена, а где-то на ковре в дальнем углу шумно возились и тявкали щенята. Самсон сидел на диване, обхватив голову руками. Его тень на стене скорчилась, словно сломанный пополам манекен.

— Барбос... я... этсамое... я не знаю, как дальше жить там. Помогите мне, это... ну, — глухо, сквозь зубы выдавил Самсон, глядя в пол своим единственным наивным глазом.

Крошечный детектив запрыгнул на журнальный столик, подошёл ближе и мягко положил тёплую лапу на его огромное, закованное в искусственную кожу плечо. Пучеглазый брабансон посмотрел на него со всей своей экзистенциальной, человеческой скорбью.

— Друг мой, если бы я был мудрецом, я, может быть, и подсказал тебе, как жить, — ровным, басовитым голосом произнёс детектив. — Единственное, что я могу сделать для тебя сейчас и что считаю абсолютно правильным — это взять тебя к себе в напарники. Что ты на это скажешь? Ты приведёшь к ответу этих упырей Дрочетто не через криминал, а через закон. Я лично напишу рекомендательное письмо в Департамент, мне пойдут навстречу, старые связи ещё работают. А твоё учёба в «Синергии» будет для комиссии дополнительным подтверждением твоих благих и чистых намерений. Я понимаю, Сэм, тебе сейчас тяжело решать... Но я хочу, чтобы ты знал: что бы ты сейчас ни испытывал внутри своего процессора, знай — ты больше не один.

Вечером того же дня Самсон стоял на подземной парковке штаба Курляндской армии. Напротив него возвышался Вальмон —суровый, в расстёгнутом сером пальто. От командира пахло порохом и дорогим табаком.

— Поделись мыслями, брат, — Вальмон хмуро затянулся, выпуская сизый дым в бетонный потолок. — Что ты собираешься делать? Самсон медленно покачал головой. Стыки на его шее тускло, болезненно мерцали изумрудным светом.

— Я... я это... смотрю просто, — косноязычно начал Самсон, но в его голосе вдруг прорезался леденящий, страшный металл. — У меня нет, этсамое, сил, чтобы пойти, так сказать, в открытую против Дрочетто. Будет бойня там. Я... иду работать в полицию, Вальмон. К Барбосу это. Я заставлю, блядь, каждого ответить. Каждого, этсамое, причастного к её смерти. Здесь не работают сроки давности, так сказать. Я знаю, ты меня сейчас не поймёшь, ну. Никто меня не поймёт... Всё, что я знаю о Курляндской армии, уйдёт со мной в могилу, обещаю. Это нигде в базах Департамента не просочится, это... там. Если не верите мне — просто уберите меня прямо здесь. Мне, этсамое, похуй. Только прошу... похороните рядом с Мариной.

Вальмон долго смотрел на него, а затем медленно опустил пистолет, который до этого машинально крутил в пальцах. Командир подошёл и крепко, по-мужски обнял теневого робота.

— Я уважаю твой выбор, брат, — тихо сказал Вальмон. — Мы больше не сможем общаться, закон и подполье не сходятся. Но я верю, что ты не предашь наши секреты. У меня к тебе просьба лишь одна, Сэм. Когда ты доберёшься до братьев Дрочетто... поступи по справедливости. Выключи какой-либо блядский гуманизм. Пусть ответят. Каждый. По делам своим.

Прошёл месяц.

Офис детективного агентства Барбоса тонул в сигаретном дыму и стопках электронных уголовных дел. Маленький детектив, весело шевеля усами-щёткой, запрыгнул на кресло и поднял бокал с янтарной жидкостью.

— Поздравляю, напарник! Завтра первый день нашей официальной совместной работы в Департаменте.

— Это... этсамое... я говорю тебе спасибо, Барбос, — Самсон, сидевший у окна, грациозно наклонил голову. — Я... я это... не подведу тебя, так сказать.

— Я знаю, Сэм. Я знаю, — Барбос сделал глоток и внимательно посмотрел на него. — Как твои дела вообще? Поделись, пожалуйста, мы с тобой давно нормально не общались из-за этой бюрократии. Как твоё учёба в «Синергии»?

Самсон лениво потянулся, и его безупречные рельефные мышцы перекатились под форменной рубашкой.

— Учусь, этсамое... Вчера, это, участвовал в студенческом спектакле «Гамлет» там. Играл роль первого могильщика, так сказать. Режиссёр сказал, что больше не возьмёт меня, ну.

— Почему? — удивился Барбос, завалив голову набок. — Плохо копал?

— После премьеры меня, это, завалили цветами, — Самсон смущённо отвёл взгляд, а его тень на стене забавно закрыла лицо руками. — Отбоя от девчонок не было, этсамое. Все за кулисы пёрли.

— Так может быть, наоборот, тебе в следующий раз главную роль доверить? Гамлета сыграешь! — твякнул детектив, искренне рассмеявшись.

— Режиссёр говорит: «Ты, Самсон, сначала разговаривать нормально научись, а потом на принцев претендуй», — Самсон не выдержал и тоже тихо, хрипло рассмеялся, обнажая белоснежные зубы.

— Ну а с самой-то учёбой как дела? — Барбос снова посерьёзnel. — Тяжело даётся?

— Тяжело, этсамое, но... интересно там, — Самсон задумался, подпирая подбородок длинными, гибкими пальцами. Стыки на его запястьях мерно пульсировали зелёным гидрав-

лическим светом. — Оказывается, это, на Достоевского очень сильно повлиял Чарльз Диккенс, а на проект L4D4O — чувак по имени Джефф Нун, так сказать. Я тут, этсамое, познакомился в библиотеке с одной девчонкой. Она мне посоветовала почитать братьев Стругацких. Очень тяжело, это... ну. Не моё это там.

— Зачем тогда читаешь, раз не твоё? — тихо спросил Барбос.

Самсон посмотрел в тёмное окно, за которым в ядовитом тумане нижнего сектора загорались бордели и штаб-квартиры сицилийцев клана Дрочетто.

— Только это, этсамое, и даёт... не думать о мести братьям Дрочетто, это... там. Только книги, Барбос. Иначе я их всех... живьём сдеру, блядь, ну.

Глава 10

Первый рабочий день в Департаменте пах нанопылью, остывающим пластиком служебного флайера и дешёвым полицейским кофе. Самсон, застёгнутый на все пуговицы в новенькую, тугую форму напарника, уверенно сжимал штурвал флайера и проверял крепления модулей на предплечьях.

— Слушаю, это, босс... твои указания, этсамое. Какие дальнейшие мои действия там?

— Едем на отдалённую гидропонную ферму на окраине сектора, — отозвался Барбос, с важным видом восседая на соседнем пассажирском сиденье. Крошечный брабансон едва виднелся из-за приборной панели, но взгляд его пучеглазых глаз был максимально строгим. — По оперативной наводке, там нелегально выращивают тяжёлую кибертраву для низов. На всякий случай задаю тебе вопрос, напарник. Табельное оружие с собой? Патроны, модули, накопители — всё готово к выполнению боевой задачи, если потребуется?

— Да, босс, так сказать. Всё готово, заряжено, этсамое. Я перепроверил, — Самсон коротко кивнул уцелевшим глазом, и его безупречно очерченные плечи качнулись под курткой. — Если что, это, я стреляю с обеих рук, ну. Я могу там и твой взять ствол, если прижмёт.

Барбос оглушительно, басовито рассмеялся, шевельнув усами-щёткой:

— Ты что, парень, думаешь, я стрелять не умею?

— Без обид, этсамое... босс, — виновато улыбнулся Самсон, плавно ведя машину по координатам.

Флайер мерно гудел, прорезая серые облака смога. Детектив мельком взглянул на напарника:

— Так, Сэм. Нам предстоит серьёзное дело. Но как я погляжу, у тебя есть вопросы ко мне? Задавай их сейчас, в машине, чтобы потом на объекте не было сюрпризов друг для друга.

— Ну... там... это... — Самсон замаялся, его тень на водительском сиденье смущённо поправила воображаемый воротник. — Я столько прошёл тестов в Департаменте, этсамое. В том числе и на это самое... на физическую выносливость, так сказать. Мне просто интересно, это, как ты всё это проходил? И проходил ли вообще, ну? Потому что было там иногда даже мне тяжело с моими модулями... а тебе я представляю как...

Барбос снова рассмеялся, но на этот раз мягко, с лёгким оттенком превосходства:

— Я, кажется, понял причину твоих недомолвок, Сэм. Причину того, что ты прятал глаза и смущался, когда мы шли через весь полицейский участок. Ну, а ещё ты, наверное, заметил, что никто из старых копов не бросил ни одного насмешливого взгляда в мою сторону? Несмотря на мой... габарит.

— Почему, этсамое? — спросил Самсон.

— Сейчас притормози у обочины. Выйдем из машины, и ты сам всё увидишь.

Они съехали на грунтовку у подножия холма. Двери шлюза с шипением открылись. Самсон тяжело ступил на пыльную землю и обернулся.

Его процессор на долю секунды выдал критическую ошибку. Прямо перед ним, в лучах заходящего ядовитого солнца, стоял коренастый, в меру мускулистый, подтянутый мужчина

лет тридцати в расстёгнутом полицейском плаще. И у него было абсолютно серьёзное, жёсткое лицо пти-брабансона Барбоса.

— Как видишь, напарник, моя тень чертовски отличается от оригинала, — произнес мужчина глубоким басом детектива, пока его маленькое собачье тело сидело на капоте. — Но именно благодаря ей меня когда-то взяли в элитный отдел. Годы изнурительных тренировок, пересборка ментальной матрицы — и ты видишь перед собой совершенно другого Барбоса. Так ведь?

— Я... я это... в шоке, так сказать, — косноязычно выдохнул Самсон, глядя на этот гипнотический оптический сдвиг.

Они поднялись на вершину холма с обратной стороны фермы, скрываясь за ржавыми островами старой сельхозтехники. Отсюда как на ладони было видно всё: длинные ангары из грязного пластика, копошащихся рабочих-дронов и тяжёлые погрузчики.

Барбос оперативно связался по зашифрованной рации с Центром. Они залегли в сухую траву, ожидая штурмовой спецназ Департамента. Вдруг Самсон резко дёрнулся, его уцелевший глаз сузился, превратившись в холодный прицел.

— Смотри, этсамое... босс! — прошипел он, указывая длинным пальцем на дальний ангар. — Это старший, это, Джузеппе Дрочетто. Садится в броневик там. Собирается уезжать, так сказать. Давай возьмём его, ну?! Прямо сейчас, блядь!

— Нет, Самсон, — жёстко оборвал его Барбос, даже не шелохнувшись. — Ждём спецназ. Закон превыше всего.

— Это... это самое... — Самсон яростно сжал кулаки, стыки на его запястьях опасно полыхнули изумрудным светом. — Я понял, босс.

— Запомни, напарник: в нашем деле нужно полностью отключать чувства. Главное — это общее дело. Перед законом все должны быть равны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.